

IV. ИЗ ОТЕЧЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ, РАЦИОНАЛИЗМ, УТОПИЗМ: РОССИЙСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. НА ПОДСТУПАХ К ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сто лет назад термином «глобализация» еще не пользовались. Однако наиболее проницательные умы уже видели зарождение процессов, которым предстояло существенным образом изменить жизнь человека. Ожидание, что мощное развитие технологии в сочетании с экономическими, социальными и политическими процессами определит новый облик жизни на Земле, разделяли многие. В развернувшейся футурологической деятельности немалое внимание было уделено и языку: было ясно, что без планирования языковых процессов коренные социальные процессы не происходят. Об этом знали еще просветители, считавшие язык одним из основных рычагов общественных перемен. В России первой трети XX в. этот взгляд в будущее во многом был связан с ожиданием революции и последующими попытками коренного преобразования общества. Тем не менее среди участников дискуссий о международном языке мы находим не только профессиональных революционеров А.А. Богданова и Э.К. Дрезена, но и эмигранта-евразийца, князя Трубецкого. Как показывает даже эта довольно скромная подборка публикаций, разнообразие мнений было велико, недостатка в крайностях и утопизме не было. Сейчас, окидывая ретроспективным взглядом XX век, мы можем лучше оценить те или иные предложения и прогнозы и прозорливость тех, кто их выдвигал. Время окон-

чательной оценки некоторых предположений еще, пожалуй, не пришло. В любом случае обращение к наследию того бурного времени полезно в нашу эпоху еще более кардинальных перемен.

А.А. Богданов
ИЗ КНИГИ «ТЕКТОЛОГИЯ:
ВСЕОБЩАЯ ОРГАНИЗАЦИОННАЯ НАУКА»¹

Александр Александрович Богданов (настоящая фамилия Малиновский, 1873–1928) — один из наиболее ярких и своеобразных российских интеллектуалов левого политического спектра первых десятилетий XX в. Увлечшись еще в юношеские годы революционным движением, он продолжал активную научную и литературную деятельность, охватывавшую различные области общественных наук, естествознания и литературы. После 1917 г. — на научной и преподавательской работе. Погиб во время рискованного эксперимента, который производил над собой в основанном им Государственном научном институте переливания крови.

Тектология А.А. Богданова — попытка создания общей теории организации материальных и духовных процессов. Многие рассматривают концепцию Богданова как предвосхищение современной общей теории систем. В приведенных параграфах Богданов рассматривает этноязыковые процессы с точки зрения выработанного им универсального понятия конъюгации, т.е. соединения явлений самого разного рода: «Конъюгация — это и сотрудничество, и всякое иное общение, например разговор, и соединение понятий в идеи, и встреча образов и стремлений в поле понятия, и сплавление металлов, и электрический разряд между двумя телами, и обмен предприятий товарами, и обмен лучистой энергией небесных тел»².

1. Расовые, национальные, племенные смешения

Европейцы, встречаясь с отсталыми племенами, обыкновенно с огромной поспешностью истребляют их посредством оружия,

¹ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. — Пг.; М.; Берлин: Изд-во Гржебина, 1922. — С. 279–280, 286–289.

² Там же. — С. 100.

торгового грабежа, закрепощения, водки и сифилиса. Явление это — величайшей исторической важности; а между тем во взглядах на него господствует самая антинаучная путаница понятий. Одни его одобряют, исходя из грубо-количественного представления об «уровне культуры»: истребленных дикарей заменяют «выше стоящие европейцы», это — культурный прогресс, а потому это и желательно. Другие, напротив, осуждают, исходя из сентиментально-гуманной морали; а наиболее распространенная точка зрения — смесь той и другой: «Печально, разумеется; но, в сущности, к лучшему; следовало бы только делать это с меньшей жестокостью». Тектология на место этих наивно-вульгарных решений вопроса может поставить решение объективное и научное. Конъюгационная схема возрастающих возможностей развития говорит нам о том, что гибель племен и народностей, хотя бы весьма отсталых, суживает базис дальнейшего развития человечества в его целом. Она означает уничтожение тех своеобразных элементов и условий развития, которые возникают из смешения и из общения разных народностей. Насколько бы ни была культура европейских купцов и солдат абсолютно выше культуры каких-нибудь австралийских аборигенов, первые не могут качественно заменить вторых в тех оригинальных чертах физиологической организации, технических методов, способов мышления, которые сложились на почве иной природы и иной истории. Сумма организационных форм, в самом широком смысле этого слова, из какой исходит прогресс человечества, уменьшается необходимо и бесповоротно при истреблении отсталых племен.

Как мы заметили, жизненная выгодность более полной или менее полной конъюгации зависит от степени разнородности соединяющихся комплексов. Если полное смешение европейцев с неграми было бы теперь, вероятно, невыгодным, то такое же смешение саксов с англами, кельтов с латинянами, суздальско-новгородских славян с финнами дало бы самые жизнеспособные нации. У одноклеточных организмов более частичная конъюгация свойственна выше стоящим, более сложным по своему строению, таким, среди которых индивидуальная дифференциация должна оказываться сильнее, различие индивидуумов больше. Когда же дело идет о таких изменчивых в своем развитии комплексах, как человеческие общества, расы, организации, то смешение частичное может очень часто прокладывать дорогу к такому сближению или

уменьшению разнородности комплексов, при котором полное слияние или растворение одного комплекса в другом станет жизненно-целесообразным. Подобное растворение — вероятная судьба тех диких и варварских племен, которых культурное человечество не успеет искоренить в нынешней фазе истории. (...)

5. Конъюгация диалектов и языков

Тут перед нами иллюстрация применимости тех же схем к таким сложным и абстрактным комплексам, как идеологические системы речи. Большинство развитых языков нашего времени образовались путем слияния двух или нескольких родственных областных наречий. Частичное же взаимопроникновение разных диалектов и языков, соприкасающихся между собою в мировой сети сношений, наблюдается постоянно, на каждом шагу. Нет надобности специально доказывать, что при этом происходит и усложнение находящихся во взаимодействии систем речи, и возрастание их внутренней разнородности, и умножение возможностей развития, и разнообразные процессы подбора, приводящие к вытеснению одних слов или грамматических форм, укреплению других. Здесь все это выступает так наглядно, что даже при минимальном знакомстве с развитием языков не может возбуждать никаких сомнений.

Заимствование слов представляет первый момент этих изменений: оно соответствует непосредственному смешению элементов состава сближающихся систем. Затем, в зависимости от него — второй момент, неизбежная, хотя часто незаметная в своей постепенности, перестройка внутренних отношений системы, форм, связей, комбинаций.

Английский язык создан путем настоящей «копуляции» старофранцузского с одним из германских. Поразительно быстрое развитие английского языка и его высокое совершенство в смысле гибкости и сжатости выражения могут служить образцом жизненного значения конъюгационного метода в его удачном применении. — Но мы видели, что жизненная выгодность конъюгации зависит от степени родства или однородности сливающихся комплексов. В данном случае оба языка принадлежали к одной, арийской семье и были близки по своему строению. Результаты иного рода получились при соединении французского языка с весьма далекими от него по происхождению и по всему складу африканскими наречиями: жаргон, на

котором говорят негры в вест-индских колониях Франции. Это, по свидетельству знающих его, диалект варварский и жалкий, лишенный как гибкости французского, так и живой образности настоящих негровских языков, лингвистический ублюдок, напоминающий по нескладности и неспособности к развитию ублюдков биологических.

Не раз делались попытки выработать новый, универсальный язык, который смог бы заменить и вытеснить все теперь существующие; некоторый успех, весьма, впрочем, ограниченный и далекий от поставленной задачи, имели «волапюк» и затем «эсперанто». Способы выработки были, по существу, конъюгационные: изобретатели старались слить воедино все, что было, по их мнению, «лучшего» в наиболее развитых и распространенных языках нашей эпохи. Задача вполне тектологическая и чрезвычайно грандиозная; но правилен ли был выбранный путь для ее решения?

Язык — организационное орудие, посредством которого координируется человеческая деятельность во всех ее проявлениях. Он поэтому и соотносителен всей этой деятельности в полном ее объеме; он всю ее выражает; она — тот деятель подбора, которым определяется развитие языка. Поэтому несомненно, что объединение практической, трудовой организации человечества поведет необходимо к выработке единого языка, причем и тот и другой процесс осуществляется, конечно, методами конъюгационными.

Более того — и тот, и другой процесс идут уже теперь, как показывает возрастающая связь мирового хозяйства и возрастающая сумма общих лингвистических элементов у культурных наций. Особенно важна при этом роль постоянных переворотов современной научной техники. Когда, как это происходит столь часто на наших глазах, создается новая техническая отрасль (производство автомобилей, аэропланов и т.п.) или радикально преобразуется одна из старых, вместе с тем возникает и целая новая терминология; всякое изобретение даже более частного характера, например новая машина, порождает ряд выражений, обозначающих части этой машины, их функции, отношения к ним работника. И большинство создаваемых таким образом терминов переходит во все языки с ничтожным изменением, увеличивая общую долю их содержания. То же относится к современному языку естественных и математических наук, систематизирующих научную технику.

Эти объединительные тенденции частью парализуются, а еще в большей мере маскируются и заслоняются от современного сознания борьбою наций, с ее неизбежным лингвистическим сепаратизмом. Борьба же эта обусловлена конкуренцией из-за рынков, которая объективно и есть основное препятствие к развитию лингвистического единства; пока она не будет устранена, это единство практически недостижимо; по ее устранении прогресс его будет совершаться во много раз быстрее, и оно будет достигнуто несравненно легче, чем, например, до сих пор достигалось слияние областных наречий в национальный язык.

Как же смотреть, в виду всего этого, на теперешние проекты универсального языка и пропаганду международного соглашения в пользу того или другого из них? Это — весьма типичная утопия.

Всякая практическая утопия характеризуется двумя чертами: во-первых, она выражает какую-нибудь реальную организационную потребность общества, класса, отдельной группы людей; во-вторых, по методу осуществления она представляет тектологическую ошибку. Первым определяется возникновение утопии, вторым — ее «утопичность».

Так это и в данном случае. Организационная тенденция гигантского исторического значения налицо; но методы, которыми ее думают воплотить в жизни, не приводят к цели: группа специалистов не может создать всеобщего языка. Дело в том, что их усилия объективно несоизмеримы с широтой, глубиной и разнообразием тех конъюгационных процессов, которые должны реализовать мировое единство языка.

Здесь имеется несоизмеримость и количественная, и качественная. Первая заключается в том, что никакой национальный язык не вмещается в сознании отдельной личности или группы; следовательно, изобретатели располагают лишь весьма малой и случайной долей того материала, который требуется конъюгационно организовать. Вторая состоит в том, что в нынешнем дифференцированном обществе, со многими тысячами специальностей, имеющих и свой дифференцированный технический язык, выработку всеобщего языка берет на себя группа специалистов одной или, в лучшем случае, немногих из этого огромного числа отраслей. Ясно, что основные условия конъюгации и последующего подбора здесь не те, какие требуются самой задачей. Материал для подбора и количественно и качественно несравненно уже того, что предполагается организовать; деятель подбора — интел-

лектуальная функция нескольких изобретателей, вместо всей коллективной практики человечества.

Насколько жизненно-трудная вещь — полная конъюгация даже очень близких между собою наречий, и от каких условий она объективно зависит, примером может служить соотношение языка народного и литературного. Речь, как мы знаем, есть организационное орудие социальной жизни. Когда само общество дифференцируется на руководящие верхи и трудовые низы, то, благодаря различию коллективных переживаний и отношений в этих двух сферах, различию материала, организуемого при помощи речи, дифференцируется и язык — на массовый народный и язык верхних образованных слоев, наиболее законченно выражающийся в литературе. Этим закрепляется разобщение частей общества, облегчается их дальнейшее расхождение и рост их взаимного непонимания; а тем самым умножаются и углубляются практические противоречия между «народом» и «образованным обществом». Дифференциация языка порождает специфическую ограниченность каждой из двух его ветвей. Язык «образованных» развивает строгую правильность форм, гибкость выражения оттенков, тонких переживаний, сложных комбинаций; правильность — результат большой выработки речи, а гибкость соответствует большой широте и сложности жизненных условий; но зато утрачивается сила непосредственности и живая образность, соответствующие условиям прямого трудового общения с природой. Язык народный сохраняет эти свойства, но остается «грубым», то есть неприспособленным для широких и строгих обобщений, которые неизбежно отвлечены, и неточным в оттенках.

Расширение и усложнение общественных связей вынуждает наиболее прогрессивные слои руководящих верхов, т.н. «интеллигенцию», к некоторому практическому сближению с трудовыми низами: инженер на фабрике имеет дело с рабочими, статистик, агроном, учитель в деревне — с крестьянами, сельский врач, мелкий адвокат — с разной беднотой и т.п. Тогда резче выступают противоречия взаимного непонимания, обостряется потребность устранить его. Тогда в различных областях идеологии начинаются конъюгационные процессы, и в области языка — прежде всего. Народ понемногу усваивает «ученые слова» и интеллигентские обороты речи; интеллигенты, в частности литераторы, стремятся обогатить и оживить свой язык лучшими материалами из народной речи,

ее образными выражениями, сравнениями, поговорками и пр. Процессы эти, однако, идут в ограниченных размерах, отнюдь не переходя в полное слияние, пока сохраняется основа расхождения, коренное различие социальных функций «народа» и «образованного общества». Сближение и объединение идут постольку, поскольку они жизненно вынуждаются.

Мировой язык также создается и будет реально создаваться лишь в пределах объективной жизненной необходимости.

Э.К. Дрезен

ЯЗЫК – ОРУДИЕ СВЯЗИ. ЕГО РАЗВИТИЕ¹

Эрнест-Вильгельм Карлович Дрезен (1892–1937) — один из создателей современного документоведения², специалист в области научной организации труда, стандартизации технической терминологии. Еще в юные годы он увлекся эсперанто, а после революции стал руководителем Союза эсперантистов советских республик. И развитие языковой коммуникации вообще, и распространение всемирного языка он рассматривал как необходимое условие интернационализации жизни человечества. Погиб в ходе сталинских репрессий, обвиненный, как и другие эсперантисты, в шпионаже и контрреволюционной деятельности.

Язык, речь — это комбинация звуков и звуковых сочетаний, служащих людям при взаимоотношениях.

Язык — это элемент, содействующий организации трудовых процессов и трудовых действий как отдельных работников, так и рабочих объединений и коллективов.

Язык является орудием, содействующим осуществлению тех или иных трудовых достижений.

В непрерывной борьбе за существование первобытное человечество ощупью, шаг за шагом, училось трудиться, училось пользоваться разными орудиями и инструментами. Орудия и инструменты, используемые в трудовом обиходе человечества, определяли его быт,

¹ Дрезен Э.К. Язык — орудие связи. Его развитие // На путях к международному языку. — М., 1926. — С. 5–16 (с сокращениями).

² Дрезен Э.К. Делопроизводство: От регистрации бумаг к классификации переписок и к отказу от регистрационных записей. — М., 1925. — 211 с.

уровень его развития, производственные его возможности и потребности. На базе первобытной техники и первобытных трудовых действий вырастала вся культура человечества.

Подобным же образом как появились и как непрерывно совершенствовались первобытные технические орудия, таким же образом появился и непрерывно совершенствовался инструмент связи и взаимопонимания — язык.

Закон непрерывной и неустанной борьбы за существование привел к тому, что уже с незапамятных времен человек всегда находился в кругу себе подобных, жил общиной и вместе со своей общиной трудился, боролся за свое существование и добывал себе пропитание. Первобытный трудовой коллектив и первобытная артель охотников могли рассчитывать на несравненно бóльшие охотничьи успехи, чем охотник-одиночка. (...) Совместным трудом отдельные люди пробивали дорогу для дальнейшего развития человечества. Коллективный труд становился фактором, определяющим это развитие.

«Развитие труда, по необходимости, способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности и стала ясней польза этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, ближайшие предшественники люди пришли к тому, что у них появилась потребность *что-то сказать друг другу*» (Ф. Энгельс).

Потребность создания какого-то инструмента — орудия передачи мысли, вытекала из самого факта коллективного труда. Коллективный труд определил и форму осуществления этой потребности.

Первоначальными формами звуков, доступных для постоянного восприятия, — сопровождающими трудовые действия, были так называемые «трудовые крики». (...)

«Трудовые крики» послужили базой, на которой в дальнейшем развился язык, удовлетворяющий определенные потребности людей *что-то сказать друг другу*.

Усложнявшиеся и умножавшиеся трудовые приемы привели к появлению определенных звуков, характеризующих то или другое трудовое действие.

Появились звуки, выражающие действие. Число этих звуков вырастало и изменялось — сообразно изменению основных трудо-

вых действий, сообразно изменению тех или других форм человеческого существования.

В дальнейшем звуками же начали передавать и представления о тех или других вещах и предметах трудовой обстановки. (...)

Применительно к условиям существования человеческого коллектива, применительно к его быту, к его технике и производственным возможностям — создавался язык данного коллектива.

Язык являлся инструментом, орудием связи и подобно всем прочим орудиям определялся соответственными производственными, экономическими факторами.

Подобно методам и приемам пользования всеми прочими орудиями — также и приемы пользования языком передавались из поколения в поколение. Следствием этого являлось сохранение известной преемственности языковых форм. Опыт предыдущих поколений сохранялся для поколений последующих. В языке сохранялись постоянство обозначений и некоторая преемственность, связность языковых (звуковых) форм с выражающимся ими смыслом.

Но опыт предыдущего имеет цену и значение только в случае, если его можно использовать, если изменение производственных и экономических факторов не приводит к изменению трудовой обстановки и быта. В противном же случае — опыт и данные опыта прошлого становятся ненужными. Связанные с опытом прошлого представления, формы и приемы терпят изменения или же совершенно выпадают из нового обихода и нового быта, определяемого изменившимися экономическими факторами.

Все только что сказанное относится и к процессу постепенного развития языка. Неприменение и неиспользование части прежнего опыта приводит к выпадению понятий. Пополнение трудового опыта имеет своим следствием обогащение языка, появление новых понятий и связанных с ними новых языковых форм. (...)

Обогащение трудового опыта, развитие производственных сил и совершенствование технических орудий труда влекли за собой численный рост основных элементов языка. В современных языках, включающих в себя выражения для всех необходимых понятий современного нам трудового и технического обихода, насчитывается уже свыше 50 000 основных понятий и слов.

С количественным ростом первобытного человеческого общества ширились территориальные его границы. В разных местностях соот-

ветственно их географическим и естественно-историческим условиям люди вынуждены были изменять свои трудовые приемы и действия. В некоторой степени изменение производственных и трудовых методов сводилось к расширению опыта и обогащению языка.

Выпадение некоторых элементов опыта прошлого и некоторых ранее усвоенных трудовых приемов влекло за собой отмирание отдельных прежних языковых форм. Развитие трудовых приемов и трудового опыта у разных групп человечества приводило к изменению языковых форм, приводило к появлению новых наречий и языков.

В каждом отдельном случае территориальные границы пользования определенным языком определялись территорией с общими условиями производства и общими методами трудовых действий.

Только при совершенно одинаковых бытовых условиях могли сохраняться совершенно одинаковы орудия производства, в том числе и совершенно одинаковые языковые формы.

При непрерывном передвижении отдельных человеческих общин — родов, племен и народов с места на место, различные группы, пользующиеся различными трудовыми методами и различными языками, приходили в общение и соприкосновение. Если при этом путем взаимного обмена трудовым опытом устанавливался единый быт, если происходило объединение трудового опыта сталкивающихся групп и народов, языки этих народов подвергались неизбежному слиянию — ассимиляции. Последнего явления не наблюдалось только в том случае, если, в силу тех или других причин, быт и трудовые методы народов, живущих на одной территории, оставались самодовлеющими и друг от друга отличными.

В случае возникновения процесса слияния — ассимиляции языков, получался некоторый новый язык, наиболее приспособленный и соответствующий объединенному трудовому опыту племен и народов, связанных общностью территории и единством трудовых процессов.

Насильственное воздействие одного народа на другой, принудительное слияние разных языков никогда и нигде не имело успеха, если только такое слияние не вызывалось рядом экономических предпосылок и объединением хозяйственного и трудового опыта данных народов.

При подобном слиянии — ассимиляции языков — в новом языке получали перевес и преимущественное положение составлен-

ные элементы языка того племени и того народа, чей быт в данных условиях являлся более устойчивым и более соответствующим хозяйственным возможностям данной территории: того народа, техническая культура которого стояла на более высокой ступени развития. Языки народов победителей и завоевателей сплошь и рядом ассимилировались сами, вытеснялись языком побежденного народа, стоявшего на более высокой ступени технического развития и более приспособленного к рациональным методам хозяйства и труда.

Все языки ныне существующих народов, а также и языки народов, ранее существовавших и ныне исчезнувших, представляют собой результат чрезвычайно сложного воздействия различнейших трудовых обстановок, различнейших трудовых опытов, связанных с многообразными формами существования отдельных групп человечества, приходивших между собой в соприкосновение.

Близость различных языков, наличие в них одинаковых или близких по своему содержанию и по своему построению форм свидетельствует, что их быт и трудовой опыт в общем однороден и исходит от одного корня. (...)

Каждый отдельный язык подвергается одновременному воздействию факторов дифференциации и ассимиляции. В раннюю эпоху развития человечества, в эпоху его младенчества факторы языковой дифференциации действовали особо сильно. Редкое население земного шара, отсутствие и затруднительность связи и сношений между отдельными территориями служили причиной хозяйственного обособления численно небольших племен и народностей. Хозяйственное же и экономическое обособление влекло за собой обособление языковых форм.

Совершенно противоположная тенденция языкового развития наблюдается в настоящий момент. Культура и цивилизация отдельных народов начинают пропитываться элементами некоторой международной общечеловеческой культуры и техники. Высокая техника и механизация средств производства, осуществленная в странах Европы, силою исторической необходимости переносится и пересаживается в другие — культурно и технически более отсталые страны. В итоге этого мы наблюдаем во всем мире несомненную интернационализацию производственных методов и трудовых приемов и, как следствие, усиление ассимиляции различнейших языковых форм. Усиление формы ассимиляции, когда одни и те же обороты и формы выявляются в разных

языках, можно определить как интернационализацию языка. Основной причиной подобной ассимиляции является то, что понятия, несвойственные местным условиям быта, переносимые из чужого обихода и из чужих земель, не могут быть немедленно же выражены имеющимися налицо местными языковыми формами и оборотами. Кроме того, национальные определения подобных «привозных» понятий были бы непонятны тому, кто приносит эти понятия. Для местных же жителей подобные новоизобретенные национальные термины все равно остались бы неизвестными, новыми и подлежащими самостоятельному особому усвоению вместе с теми понятиями, которые они выражают.

Именно вследствие этих причин терпят неудачу российские попытки заменить международные термины «калоша», «автомобиль», «велосипед» словообразованиями отечественного производства: «мокроступ», «самоход», «самокат». И если в военном и административном обиходе слово «самокатчик» еще нашло некоторое применение, то в общезнании, в повседневном быту, конечно, нет никакой надежды искоренить международный термин «велосипедист». Равным образом и немецкие термины: «Fernsprecher» вместо «Telephon», «Kraftwagen» вместо «Automobil» и пр., порожденные шовинистической антиинтернациональной агитацией, не имеют никаких оснований рассчитывать на вытеснение соответствующих интернациональных слов.

Берлинские жители по-прежнему, независимо от своих политических взглядов и убеждений, продолжают звать автомобиль не громоздким германизированным «Kraftwagen», а простым и легким интернациональным «Auto».

Народы, вступающие на путь самостоятельного государственного развития, неизбежно заимствуют для своего обихода новые слова или у прежней господствовавшей над ними нации, или же из интернационализированного запаса слов. Такова судьба Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы, Чехословакии и др., такова судьба и получающих автономию чувашской, карельской, башкирской и др. народностей.

Колониальные и азиатские народы, сталкиваясь с европейцами и приобщаясь к интернациональной европейской культуре и технике, вынуждены знакомиться с европейскими языками и заимствовать у них терминологию, свойственную усваиваемой ими европейской технике. Эти интернациональные выражения и формы начинают играть все большую и большую роль в развитии националь-

ных языков. Международных слов в разных языках уже многие сотни и тысячи, и друг от друга в разных языках они отличаются весьма несущественно.

Достаточно указать на некоторые из их числа: лампа, телеграф, телефон, радио, радиий, эстрада, люстра, локомотив и т.д. Подобные выражения и термины подчас не только сопутствуют введению новых понятий, но и конкурируют (и даже вытесняют) ранее существовавшие узконациональные определения этих или аналогичных понятий.

Характерным в этом отношении примером могут явиться русские словообразования «положение» и «состояние» — первое от слова «лежать», второе от слова «стоять». В настоящее время оба эти словообразования потеряли прежние свои значения, а понятия, выражаемые ими, совершенно перепутались. С другой стороны, ряд международных терминов уточнил понятия, определяемые этими словами. Этими международными терминами являются:

- а) ситуация (собственно положение),
- б) тезис (предлагаемое положение),
- в) позиция (занимаемое положение),
- г) статус (собственно состояние),
- д) статут (положение, устав).

В данном случае русский язык или не точно определяет двумя «русскими» терминами пять понятий, или же употребляет шесть терминов (два «русских» и четыре «интернациональных» — термин «статус» в счет не идет) вместо пяти вполне точных, но чисто интернационального происхождения.

Исходя из фактов непрерывной ассимиляции всех языков и проникновения во все языки все большего количества интернациональных элементов, приходилось бы предполагать неизбежность предстоящего слияния всех языков и установления общего единого языка, соответствующего потребностям современной общечеловеческой культуры и техники.

Однако если интернациональные формы в наших языках играют все большую роль, то все-таки отсюда еще весьма далеко до выявления единых общечеловеческих языковых форм.

Подобной ассимиляции существующих языков весьма значительное сопротивление оказывает языковая традиция, играющая в истории развития языков существенную роль.

Еще в древние времена фактор языковой традиции оказывал сдерживающее влияние в отношении ассимиляции языков. Это сдерживающее влияние основывалось, главным образом, на опыте и традиции, передаваемых изустно от одного поколения к другому.

Традиция являлась положительным элементом в отношении использования трудового опыта предыдущих поколений. Но языковая традиция как таковая содействует преимущественно сохранению и неизменяемости языковых форм. Влияние традиции на сохранение содержания — смысла, вкладываемого в ту или другую форму, значительно слабее. В результате этого получается постепенное изменение понятий, связанных с той или другой формой, и появление в языке целого ряда несообразностей, «идиотизмов» и неточностей. В этом недостатки влияния изустной языковой традиции.

Потребность в передаче мысли на расстояние породила письменность. Сперва письменность (иероглифы египтян, китайцев, древних мексиканцев и т.п.) вовсе и не выражала слов, но лишь символы, которые должны были вызывать звуковую ассоциацию, а через нее представление о самом передаваемом понятии, передаваемой мысли.

Подобная идеографическая письменность не содействовала изустной традиции сохранения отдельных звуковых сочетаний. Мы видим, что при общности китайских письмен ими пользуются по крайней мере семь отдельных населяющих Китай народов с отличными языками. Появившаяся вслед за идеографией звуковая азбука, будучи далеко не совершенной, также не всегда передавала точное произношение, различные акценты и их изменения.

Несмотря на это, наличие определенных форм письменности, в особенности звукопередающей, явилось фактором, усиливающим влияние и значение языковой традиции. Параллельно с изустной традицией создавалась традиция письменности. Различные алфавиты и различные способы произношения написанного ставили и ставят определенные преграды языковой ассимиляции. Интернациональные термины в разных странах, благодаря отличным законам произношения, приобретают совершенно не интернациональные звуковые формы.

В английской звуковой форме «интернешнел» — вряд ли кто узнает международный термин «интернационал», несмотря на то, что пишется этот термин на всех европейских языках, пользующихся латинских алфавитом (в том числе и английском языке), одинаково.

Частичные реформы и упрощения алфавита и правописания, конечно, возможны, но они связаны со значительными затратами усилий и должны быть отнесены уже к области искусственного регулирования развития языка. В 1918 г. в России были уничтожены две ненужные буквы русского алфавита: *Ѣ* и *Ѥ*; но если подобная относительно незначительная реформа была связана с преодолением многих трудностей, то несравненно большее количество трудностей пришлось бы преодолеть при упрощении и согласовании письменности и произношения в таких языках, как английский и французский.

Последним и несомненно самым значительным, ввиду его непреодолимости, фактором, задерживающим эволюцию языков в сторону их интернационализации, является грамматика.

Правила грамматики необходимы, чтобы сохранить полезные для данной ступени развития языка методы письменной речи и, по возможности, уничтожать излишние и вредные. Но одновременно с этим грамматика является главным тормозом интернационализации языка. Если в язык силой обстоятельств и необходимости проникают те или другие иноземные, интернациональные слова, то они отечественной грамматикой все же перелицовываются и перекраиваются на новый лад. Если элементы интернационализации в словарном материале современных языков весьма значительны, то элементы интернационализации в грамматиках современных языков вовсе отсутствуют или же чрезвычайно незначительны.

Таким образом, алфавит, письменность и грамматика, уточняя формы языка, регламентируя их и закрепляя, содействуют существующей изустной традиции в противостоянии языка сторонним влияниям и оберегают существующие языки от чрезмерного воздействия факторов интернационализации.

Оформляющие языковую традицию элементы: изустная традиция, алфавит, правила письменности и грамматики — затрудняют объединение языков и даже делают его совершенно невозможным при современном ходе их дальнейшего развития.

При общем распространении грамотности и образования сила и влияние языковой традиции тем более возрастают.

Существующие формы построения аппаратов — орудий передачи мыслей и понятий — различных языков становятся поперек пути дальнейшей языковой интернационализации.

Между тем современное состояние техники, культуры и мирового хозяйства содержит в себе несомненные предпосылки появления всеобщего интеграционного языка. Во всем мире, со все возрастающей быстротой, на базе общих методов использования сил природы и машинного оборудования, создаются единообразные трудовые навыки и приемы. Нет такой части света и такой страны, которая бы не участвовала в общемировом хозяйственном обороте. Этому сопутствует колоссальное развитие международных сношений и средств связи. Телефон и телеграф, радиотелефон и радиотелеграф могут передавать мысли человека, облеченные в слово, на тысячи верст с одного края света на другой.

Средства сообщения, электрические дороги, теплоходы, автомобили и аэропланы делают все, чтобы сблизить материальную сторону человеческого быта.

Техника и культура, производственные методы и организация связи перегнали развитие языка.

Проблема международного всеобщего языка встает во весь рост перед современным человечеством.

И если мы приходим к выводу, что, несмотря на все имеющиеся объективные предпосылки, в настоящий момент мы не можем рассчитывать на скорую ассимиляцию существующих языков и на образование единого интернационального языка, то нам следует выяснить, представляется ли возможным какими-либо мерами искусственного воздействия и регулирования ускорить этот процесс созревания новых языковых форм.

Представленный вопрос следует отчетливо разграничить и рассматривать в двух отличных плоскостях: 1) возможно ли содействовать языковой интернационализации и 2) возможно ли уже сейчас создать какой-либо интернациональный язык, соответствующий современной культуре и технике и современному быту.

Уже одно наличие в наших языках искусственных регуляторов в виде алфавита, письменности и правил грамматики — говорит за то, что не исключена возможность организованного воздействия на языки в сторону их интернационализации. С этой целью в первую очередь должно быть устранено и по возможности ослаблено тормозящее интернациональное влияние: 1) языковой традиции, 2) обособленных алфавитов и 3) грамматики. Следующие мероприятия, во

всяком случае, могут быть проведены в отношении всех языков и в мировом масштабе:

- 1) упрощение грамоты (по отношению ко всем без исключения языкам);
- 2) унификация шрифтов на международной основе латинского алфавита;
- 3) интернационализация и сближение терминологии разных наук и научных дисциплин;
- 4) введение единых обозначений (номенклатур), мер, стандартов разного рода и т.п.

Проведению этих мероприятий, конечно, должны предшествовать изыскания и исследования соответствующих научных органов.

Что перечисленные мероприятия действительно необходимы и вполне удобоосуществимы — свидетельством этому является как частичное проведение их в разных странах и у разных народов, так и попытки их дальнейшего осуществления. В русском языке существенное упрощение грамоты и правописания было достигнуто и осуществлено на наших глазах, и результатом этого получилось облегчение изучения этой самой грамоты. В Англии общество упрощенного правописания ведет борьбу уже не первый десяток лет за проведение подобной же реформы английской грамоты.

Многообразные алфавиты разных языков всего мира постепенно начинают вытесняться латинской азбукой. Наряду с сербами, пользующимися до сих пор «Кириллицей», родственные сербам хорваты используют для своего языка латинскую азбуку. Японские и китайские тексты, равно как и санскритские, также начинают печататься латинской азбукой. За последнее время в Азербайджане актами государственной власти осуществлена замена арабского шрифта — латинским.

Не так благоприятны и не так показательны достижения в области интернационализации терминологии и установления единых международных стандартов. Но и тут некоторые шаги уже предприняты. Ряд национальных комиссий по стандартам, а также ряд международных конгрессов уже увязывают и согласуют свой опыт. Согласование же этого опыта неизбежно приведет как к единообразным стандартам, так и к единообразной технической номенклатуре.

Перечисленные здесь сравнительно легко осуществимые мероприятия, несмотря на свою относительную незначительность,

ускорят этот процесс интернационализации существующих языков. Но ускоряя этот процесс, мы все же не можем и не должны рассчитывать на близость окончательного языкового объединения. Окончательная интернационализация и объединение языков последуют все же только в итоге окончательной интернационализации и объединения существующих до сих пор многообразных трудовых бытов.

И вновь мы возвращаемся ко второму, нами выше поставленному вопросу: возможно ли уже сейчас создать какой-либо интернациональный язык, соответствующий современным потребностям, современной культуре и технике?

Принимая во внимание все вышесказанное о зависимости языка от определенных бытовых условий и трудовой обстановки, мы должны сразу же прийти к выводу, что если таковой интернациональный язык и возможно создать, то ни в коем случае не в качестве единого и единственного общемирового языка, для существования какового достаточных предпосылок еще не имеется. Речь может идти лишь о создании исключительно языка вспомогательного, предназначенного исключительно для интернациональных сношений. Подобный вспомогательный язык должен был бы явиться своеобразным организационным приспособлением к существующим, непрерывно усиливающимся сношениям между отдельными странами и народами.

Сама жизнь неоднократно при тесном соприкосновении двух или нескольких народов вырабатывала некоторые смешанные «вспомогательные» наречия — «жаргоны». К таковым смешанным наречиям следует отнести средневековый жаргон побережья Средиземного моря «Lingua Franca» (смесь французского, итальянского, греческого, турецкого, арабского) и современные — южно-китайский, чиноок, пиджи-инглиш и тот русско-китайский язык, который, несмотря на кажущуюся нелепость, обладает своими грамматическими правилами и даже исключениями.

В течение последних трех столетий возникло не менее 250 проектов создания или введения в международный обиход некоторого интернационального языка.

Теоретически подобный проект вполне осуществим и, даже больше, его осуществление является логическим следствием развивающихся международных сношений и интернационализации человеческой культуры.

Каковыми же должны быть формы подобного международного языка?

На этот вопрос дает вполне точный ответ изучение постепенной эволюции идеи международного языка от отвлеченных утопических проектов XVII в. вплоть до современных изысканий, строящих свои выводы на базе сравнительного языкознания и реального материалистического миропонимания.

Э.К. Дрезен

**ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ
ИДЕИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЯЗЫКА¹**

Идея общего языка не так нова, как это кажется. При сношениях с другими народами люди часто встречали непреодолимую преграду в разноречии. Совершенно очевидными и ясными были для каждого все те выгоды, которые могли бы получиться от существования общего языка, который бы все употребляли и который бы все понимали. Соответственно этому создавались многообразнейшие проекты, имевшие своей целью установление такого языка. (...)

Философские проекты всеобщего языка

Если оставить в стороне отдельные смутные и неоформленные мечтания о всеобщем языке, то появление первых конкретных предложений, сводящихся к созданию такого языка, совпадает с периодом отмирания средневековой схоластики. Ряд крупных и блестящих мыслителей XVII столетия, положивших начало эмпирическим и практическим наукам последующего времени, останавливали свое внимание и работали над вопросом создания всеобщего языка.

XVII век был веком беспощадной критики всего ранее существовавшего. Наступали великие перемены в средневековом обществе. Лучшие умы человечества судорожно искали путей возможно лучшего устройства человеческой жизни. Молодая, стремившаяся основываться не на абстракциях, а на реальной действительности, наука была проникнута верой в свои силы и в свои возможности.

¹ Дрезен Э.К. Основные этапы развития международного языка // На путях к международному языку. — М., 1926. — С. 17, 25–29 (фрагменты).

Ученые того времени, из которых каждый, в силу относительной ограниченности человеческих знаний, обладал почти что универсальными знаниями, были одновременно и техниками, и физиками, и математиками, и философами, и лингвистами-языковедами. (...)

**Проекты применения одного из естественных языков
в качестве международного**

При общем обзоре этапов развития идеи международного языка — нет возможности установить какие-либо точные и определенные хронологические разделы этих этапов. Первыми по времени проектами всеобщего языка были одновременно и системы философского языка, и системы пазиграфии. В течение XVII и XVIII вв. и первой половины XIX в. появлялись исключительно подобные проекты. Но впоследствии, когда невозможность разрешения данной проблемы методами философской классификации и пазиграфии уже выяснилась с исчерпывающей полнотой, отдельные прожекторы и идеалистически настроенные авторы продолжали работать над созданием универсального письма и универсального логического языка. Так как по принципам своего построения все эти проекты более или менее сходны и уже выявили свою практическую неосуществимость, мы переходим к рассмотрению следующего этапа развития идеи международного языка.

После неудачных попыток создать новый логический язык и новое универсальное письмо должна была наступить естественная реакция. Последующие изыскания в области установления всеобщего языка должны были естественно направиться в сторону выяснения того, возможно ли использовать с этой целью какой-либо из естественных языков.

При подобной постановке вопроса сразу же выявлялись два возможных решения: в качестве языков для международных сношений может быть принят либо один из существующих живых языков, либо же какой-нибудь язык «мертвый» — язык исчезнувшего народа.

Нет ничего удивительного в том, что англичане желали бы видеть общепризнанным, интернациональным языком английский, французы — французский, немцы — немецкий и т.п. Вполне естественно, что каждый человек предпочел бы использовать в качестве

всеобщего языка тот язык, который он знает лучше всего, которым он чаще всего пользуется и к которому он лучше всего приспособился.

Прививку своего родного языка в качестве общего мирового пытаются осуществить все империалистические державы, стремящиеся расширить в пределах возможного свое влияние и свои прибыли. Идеологами и пропагандистами этих идей являлись и являются во всех странах руководители грабительской, империалистической политики.

Несомненно, что введение одного из существующих языков в качестве общеобязательного создало бы определенной нации ряд привилегий. И вследствие этого простого соображения те же причины, которые побуждают в целях экономического преобладания и извлечения больших прибылей стремиться насаждать «свой» язык, те же причины заставляют всячески сопротивляться насаждению и «прививке» чужого языка. Сумма всех действий равняется сумме всех противодействий.

Для империалистических держав отказаться от «родного» языка значит одновременно отказаться от «родного» барыша. В условиях господства буржуазии, разъединенной империалистическими противоречивыми интересами, создавался особого рода языковой «шовинизм». Буржуазное миросозерцание могло еще в крайнем случае мириться в проектах и попытках создания искусственных, а поэтому «нейтральных» всеобщих языков, но, во всяком случае, со всяким конкурирующим естественным языком отечественной буржуазией неизбежно велась и ведется неустанная борьба.

Это, так сказать, момент политический, заранее парализующий в условиях господства буржуазии все попытки признания какого-либо национального языка — общеобязательным языком международных сношений.

Но отбросим все соображения национального соревнования и конкуренции. Посмотрим, представляется ли возможным технически осуществить, будь это решено, введение, например, французского языка в качестве международного. Французский язык не легче и не труднее многих прочих естественных языков. В нем много путаницы, много неразберихи, излишних трудностей, исключений и пр.

Для обучения всех и вся французскому языку — придется мобилизовать французов и разослать их по всему земному шару. Мобилизованные французы потеряют родную почву и подвергнутся

воздействию местного быта и местного языка. Различные народы будут кое-как (и очень скверно) французить. В результате же совершенно неизбежна новая языковая дифференциация. В этом отношении характерна история английского языка в собственно Англии и Соединенных Штатах Сев. Америки. Несмотря на относительную недавность колонизации Америки и несмотря на общую литературу и общую языковую традицию, — уже и сейчас англо-американский «диалект» обладает некоторыми элементами, существенно отличными от «англо-британского» языка. Время, средства и энергия, которые были бы истрачены на обучение всего мира французскому языку, оказались бы израсходованными впустую. Зависимость языка от форм быта и существования отдельных народов предопределяет в настоящих условиях неуспех всякой попытки привить в качестве общемирового язык одного народа.

Сознание этого факта и, пожалуй, еще в большей степени сознание факта неизбежного противодействия всех народов, «обойденных» при выборе интернационального языка, — породило в свое время ряд оригинальных предложений.

Шапелъе в 1905 г. выступил горячим сторонником установления в качестве международных равноценных языков — французского и английского. Немецкий профессор Дильс в развитие этого предложения выступил с проектом образования некоторого языкового триумвирата из французского, английского и немецкого языков.

Собственно говоря, проекты языкового дуумвирата или триумвирата фактически не разрешают задачи о всеобщем языке. Моменты совершенствования и конкуренции прочих обойденных народов все равно и в этом случае сохраняют свою силу и значение. Повсеместное распространение двух или трех «всеобщих» языков затруднительно и неосуществимо в еще большей степени, чем распространение какого-либо одного из них. Поэтому серьезного к себе внимания эти предложения не вызвали и вызвать не могли.

Однако если проблему интернационального языка ни одни из современных языков и никакие их «комбинации» разрешить не могут, то, быть может, возможно воспользоваться в качестве такового формами какого-нибудь мертвого языка. Ведь латинский и древнегреческий языки — нейтральные и, во всяком случае, никаких особых преимуществ ни одному народу не дают.

Еще в 1867 г. некто Ле-Гир выступил с пропагандой латинского языка в качестве международного. В конце XIX и начале XX в. ряд ученых выступил в качестве защитника этого проекта. В 1888–1892 гг. среди ученых кругов Германии и Франции велась усиленная подобная же пропаганда в пользу древнегреческого языка. В 1900 г. в Нью-Йорке издавался с этой целью на древнегреческом языке журнал «Атлантис». Вплоть до 1914 г. ряд подобных же журналов выходил и на латинском языке.

Таким образом, и среди «нейтральных» древних языков создавалась своеобразная конкуренция. Фактически же эта конкуренция была совершенно излишней.

Латинский и древнегреческий языки умерли вместе с бытом той эпохи, когда они были еще языками «живыми». Воскресить эти языки невозможно, как бессмысленно пытаться и невозможно воскресить быт времен Цицерона и Сократа.

В обоих языках нет выражений для понятий самых элементарных: для понятий носового платка, телеграфа, паровоза и всего того, что является сущностью всей нашей цивилизации. Вместо фразы: «вынь из кармана носовой платок и вытри брюки» на этих языках можно сказать только: «вынь и вытри».

Чтобы оживить эти языки, чтобы вернуть их к жизни — необходима слишком решительная и коренная ломка структуры окаменелого языка, необходимо слишком значительное их пополнение новыми недостающими терминами и выражениями. Придется больше пристраивать и пополнять, чем, собственно, брать из прежних форм мертвого языка. И все же, даже такой искусственно пополненный язык будет чужд нашей современности, нашему быту. (...)

Проекты «смешанных» языковых систем

Из всего опыта и из всех предшествовавших экспериментов к середине XIX в. каждому критически мыслящему человеку должно было стать совершенно ясным:

1) что действительным всеобщим языком не может стать ни один проект философского языка и ни одна пазиграфическая (не разговорная) языковая система, и

2) что международным языком никогда не станет ни один естественный (живой или мертвый) язык.

Оставался неиспробованным путь создания всеобщего разговорного и письменного языка по примеру и образцу существующих языков, со всем необходимым словарным материалом; причем этот словарный материал должен был быть скомпонован по примеру естественных языков, то есть без каких-либо особых претензий на установление логической классификации его элементов.

А.В. Луначарский
ЛАТИНИЗАЦИЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Как показывает участие наркома просвещения Луначарского в дискуссии о переводе русского языка на латинскую письменность, эта более чем смелая идея в тот момент рассматривалась как серьезный вариант расширения возможностей международных контактов.

Мусульманские народности Востока, исторически усвоившие арабский шрифт, немало страдали от этого обстоятельства. Шрифт древнеарабской литературы приспособился к соответственным условиям культуры и, с трудом могущий отразить новую культуру, очень трудно усвояемую и отделяющую народы Востока от европейской культуры, шрифт этот, конечно, был вспомогательным средством для задержки всякого прогресса и пользовался при этом поддержкой всех реакционных классов и, в особенности, духовенства.

Наркомпрос РСФСР, встретившись с проблемой латинизации письменности всех этих народов, шел вперед с чрезвычайной осмотрительностью. Он прекрасно понимал, как легко могут быть использованы против Советской власти эти новшества, которым старались придать характер желания отторгнуть массы от их собственной культуры и от их веры. Сторонники старины всячески внушали массам, что в латинизации сказывается высокомерное отношение западных людей к Востоку с его своеобразной и «бесценной», непонятной для «гяуров», культурой.(...)

Дело латинизации шло быстрым шагом, так как само население легко замечало огромные выгоды, отсюда проистекавшие. Письменность крайне упрощалась, и, приобретая ее для своего род-

¹ Луначарский А.В. Латинизация русской письменности // Культура и письменность Востока. — Баку, 1930. — Кн. VI. — С. 20–26 (с сокращениями).

ного языка, каждый гражданин из восточных республик и наций уже тем самым перебрасывал довольно прочный мост к усвоению общего алфавита, на котором пишут и печатают огромное большинство культурных народов.

При моих разговорах с представителем Японии о состоянии у них этой реформы я убедился, что там значительного количества сторонников латинизации нет. Трудный, берущий свое начало в еще более трудной китайской грамоте, алфавит японцев остается для них признаком их оригинальности, и, кроме того, на нем имеется огромное количество уже изданных книг и больших библиотек — поэтому массовый переход на латинский шрифт означал бы, по мнению образованного японца, с которым я говорил, большой экономический разрыв. «Некоторым, — говорил он, — пришлось бы учить детей обоим алфавитам для того, чтобы не ограничивать их употреблением только книг нового издания, которых в первые годы по необходимости будет недостаточно».

По отношению к нашим восточным народам это было не так. Никаких больших книгохранилищ у них не было, да и, попросту сказать, та литература, которая имеется на арабском языке, при всей своей исторической ценности, большой ценности практической не представляет, и народам этим все равно приходится развивать новое издательство не только потому, что надо создавать много книг на новом алфавите, но и потому, что надо создать побольше книг нового содержания.

Недавняя выставка латинского алфавита восточных народов, имевшая место в залах Коммунистической Академии, показала, какие большие успехи в этом отношении достигнуты.

И для нас, «инородцев», по отношению к мусульманским народам возникло большое облегчение к изучению их языков. (...)

В связи со всем этим возникает вопрос и о латинизации нашего русского шрифта. Припомним, прежде всего, как произошла и та довольно солидная реформа письменности, которая была проведена непосредственно после Октябрьской Революции и которая возбуждает до сих пор скрежет зубовный у эмигрантов.

Потребность или сознание необходимости облегчить нелепый, отягченный всякими историческими пережитками, дореволюционный алфавит возникал у всех мало-мальски культурных людей. В Академии Наук шла подготовительная работа. Кадетский министр

Мануйлов, опираясь на работу комиссии академика Шахматова, уже подготовил введение нового алфавита именно этого типа, который был на самом деле введен Советским Правительством.

Советское Правительство прекрасно отдавало себе отчет в том, что при всей продуманности этой реформы в ней было, по самой половинчатости своей, что-то, так сказать, «февральское», а не октябрьское. Я, конечно, самым внимательным образом советовался с Владимиром Ильичем Лениным перед тем, как ввести этот алфавит и это правописание. Вот что по этому поводу сказал мне Ленин. Я стараюсь передать его слова возможно точнее.

«Если мы сейчас не введем необходимой реформы — это будет очень плохо, ибо и в этом, как и в введении, например, метрической системы и григорианского календаря, мы должны сейчас же признать отмену разных остатков старины. Если мы наспех начнем осуществлять новый алфавит или наспех введем латинский, который ведь непременно нужно будет приспособить к нашему, то мы можем наделать ошибок и создать лишнее место, на которое будет устремляться критика, говоря о нашем варварстве и т.д. Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно. Против академической орфографии, предлагаемой комиссией авторитетных ученых, никто не посмеет сказать ни слова, как никто не посмеет возражать против введения календаря. Поэтому вводите ее (новую орфографию) поскорее. А в будущем можно заняться, собрав для этого авторитетные силы, и разработкой вопросов латинизации. В более спокойное время, когда мы укрепим, все это представит собой незначительные трудности».

Такова была инструкция, которая дана была нам вождем. После этого мы немедленно законодательным путем ввели новый алфавит.

Увы, оказалось не так-то легко осуществить его в жизни. На декрет, можно сказать, никто даже ухом не повел, и даже наши собственные газеты издавались по старому алфавиту.

Я помню, как после выхода в свет номера «Правды», напечатанной по новой орфографии, один доктор прибежал ко мне и заявил: «Рабочие не хотят читать “Правды” в этом виде, все смеются и возмущаются». Революция, однако, шутить не любит и обладает всегда необходимой железной рукой, которая способна заставить колеблющихся подчиниться решениям, принятым центром. Такой железной рукой оказался Володарский: именно он издал в тогдаш-

нем Петербурге декрет по издательствам печати, именно он собрал большинство отвечающих за типографии людей и с очень спокойным лицом и своим решительным голосом заявил им:

— Появление каких бы то ни было текстов, напечатанных по старой орфографии, будет считаться уступкой контрреволюции, и отсюда будут делаться соответствующие выводы.

Володарского знали. Он был как раз из тех представителей революции, которые шутить не любят, и поэтому, к моему и многих других изумлению, с этого дня — в Петербурге, по крайней мере, — не выходило больше ничего по старой орфографии. Все знают, какое большое облегчение принесла с собой эта реформа, насколько новая орфография проще и изящнее в знаках письма, как много лишних детских слез было пролито из-за нелепых трудностей, которые выброшены за борт.

У всех передовых граждан, т.е. у большинства коммунистов (потому что и среди коммунистов имеются люди, не понимающие всей серьезности этих, как они думают, «пустяков») и среди части беспартийных, которые подобными вопросами как раз интересуются, половинчатость реформы оставила чувство глубокой неудовлетворенности.

В течение всего времени, когда я руководил Наркомпросом РСФСР, мы получали множество предложений о дальнейшем облегчении правописания, немало также предложений о введении латинского алфавита.

Огромный толчок идея латинизации русского алфавита (конечно, и Украины и Белоруссии) получила именно от успехов латинизации письма народов, употреблявших арабский шрифт. Отныне наш русский алфавит отдалил нас не только от Запада, но и от Востока, в значительной степени нами же пробужденного.

В настоящее время в Главнауке работает большая комиссия, занимающаяся вопросом предварительного упрощения и упорядочения орфографии, уточнения пунктуации, а затем существует и особая комиссия с участием профессоров Жиркова, Каринского, Щелкунова и Яковлева, которым поручено формулировать принципы, подлежащие учету при установлении нового алфавита. (...)

Само собой разумеется, что введение латинского алфавита есть очень большая мера. Японское возражение становится здесь уместным. Для того чтобы могли пользоваться огромным количеством книг, написанных по дореволюционной орфографии, вовсе не нужно специально учиться. Каждый школьник может буквально в один день

усвоить все особенности старого алфавита и преспокойно читать книги, которые еще не переизданы по новой орфографии. Совсем не то будет с переходом на латинский шрифт. Он настолько отличается и от современной и от дореволюционной письменности, что если дети в школах или неграмотные на ликпунктах будут обучены латинскому шрифту, то на первое время перед ними откроется только небольшое количество книг, изданных, начиная с того года, когда латинский шрифт будет декретирован. Все остальное для них будет за семью замками. Это, очевидно, приведет к необходимости изучения параллельно обоих алфавитов в течение довольно долгого времени.

Постепенно книги, написанные русским алфавитом, станут предметом истории. Будет, конечно, всегда полезно изучить русский шрифт для того, чтобы иметь к ним доступ. Это уже будет польза ощутительная для тех, кто будет заниматься историей литературы, но для нового поколения это будет, во всяком случае, все менее необходимым.

Процесс поглощения старого массива наших книг новосозданными книгами будет, без сомнения, довольно медленным. Я, однако, не разделяю опасений японцев в этом отношении. Примером может служить Германия. Там шрифт готический и шрифт латинский существуют параллельно. Никто не считает особой трудностью то обстоятельство, что немецкий школьник естественнейшим образом изучает оба шрифта. Мыслимо ли представить себе немца, который умеет прочесть Шиллера, если он написан латинским шрифтом, и не умеет, если готическим.

Между тем, разница начертаний между готическим и латинским алфавитами несколько не меньше, чем между нынешним русским алфавитом и предполагаемым русско-латинским. Зато выгоды, представляемые введением латинского шрифта, огромны. Он дает нам максимальную международность, при этом связывая нас не только с Западом, но и с обновленным Востоком; он особенно сильно облегчает обучение грамоте, сокращая количество букв, он дает большую убористость типографским знакам, как говорят, почти на 20%, что представляет собой огромную экономию.

Нельзя не сказать несколько слов о хозяйственных условиях введения латинского шрифта. Пока комиссия Наркомпроса не разработала этой довольно сложной проблемы, но любопытна уже наметка такой разработки. Действительно, введение нового шрифта предполагает переоборудование полиграфической промышленно-

сти. Уже это предполагает значительный расход. К нему нужно прибавить расходы на переобучение населения грамоте, включая подготовку соответствующих кадров. Затем необходимо будет сейчас же массовое переиздание на латинском шрифте книг, в особенности наиболее жизненно необходимых. С другой стороны, начнет сказываться экономия на бумаге и на наборе.

Таковы перспективы реформы с хозяйственной точки зрения. При многочисленности населения, употребляющего русский шрифт и чрезвычайно близкий к нему украинский, белорусский и некоторые другие, надо считаться с тем, что реформа эта грандиозна, и подходить к ней нужно поэтому с большой осмотрительностью. Нельзя, однако, сомневаться в том, что в конце концов эта идея возобладает и в жизнь введена будет.

Н.Ф. Яковлев
ЗА ЛАТИНИЗАЦИЮ РУССКОГО АЛФАВИТА¹

Николай Феофанович Яковлев (1892—1974) — один из наиболее оригинальных российских лингвистов XX в., его работы были принципиально важны для становления фонологии и структурной лингвистики в целом. Один из основоположников современного кавказоведения. В 20—30-е годы занимался разработкой письменности для языков народов СССР, предложив для решения этой задачи «математическую формулу построения алфавита».

Латинизация русского алфавита имеет свою долгую историю. По мнению специалиста по истории русской графики проф. Н.М. Каринского, русский петровский, так называемый гражданский шрифт, официально введенный в начале XVIII в., представляет собой, несомненно, частичную латинизацию той славянской кириллицы, которую занесли к нам вместе с христианством болгарские миссионеры. Однако петровская реформа имела своих предшественников. Движение за создание взамен кириллицы латинизированной русской графики началось еще раньше, в XVII в., и, по-видимому, пришло в петровскую Россию с запада, с Украины. Несомненно, переход на гражданский алфавит при Петре I был связан с западной ориентацией русского

¹ Яковлев Н.Ф. За латинизацию русского алфавита // Культура и письменность Востока. — Баку, 1930. — Кн. VI. — С. 27—43 (с сокращениями).

торгового капитала и тем периодом разложения феодализма, который переживало русское общество в ту эпоху. Однако латинизация кириллицы в то время была проведена неполная. Она коснулась, главным образом, графической стороны кирилловского, в основе своей греческого алфавита, и не затронула фонетическую сторону его. Поэтому при всем внешнем графическом сходстве русского гражданского шрифта с латинским целый ряд совершенно совпадающих в обоих шрифтах букв имеет в русском совершенно иные звуковые значения (например, «р», «н», «с», «в», рукописное «ч», «х», «п» и т.д.). Несомненно, такая «латинизация» скорее затрудняет изучение русского алфавита для иностранцев, чем облегчает его. Сходные начертания букв и их отличные звуковые значения в первое время только путают и сбивают с толку обучающегося русскому языку. Таким образом, петровская графическая латинизация русского алфавита логически требовала дальнейшего шага в сторону фонетической, т.е. полной латинизации русской графики.

Попытки такой полной латинизации, т.е. замены русского алфавита алфавитом на латинской основе, не замедлили появиться, как только социально-экономические условия оказались для этого подходящими. Движение за латинизацию, естественно, получило особенно широкое развитие после Октябрьской Революции.

Однако если мы хотим получить хотя бы самое поверхностное представление об истории развития алфавитов в СССР и, в частности, об истории движения за латинизацию, мы не можем не коснуться, хотя бы вкратце, и обратного исторического процесса: общественного движения реакционных кругов русской помещичьей интеллигенции и мероприятий царского правительства бывшей Российской империи по распространению русского алфавита, как среди славянских народов Запада, так и среди так называемых «иноподданцев», входивших в состав империи. Идея распространить русский алфавит среди славянских народов на Балканах, а отчасти даже среди западных славян, пользовавшихся латинским алфавитом, т.е. идея, так сказать, «русификации» славянских алфавитов, впервые зародилась, по-видимому, у славянофилов в начале XIX в. Мы находим совершенно ясное и документально подтвержденное выражение этой идеи в проекте известного представителя правого крыла славянофилов адмирала Шишкова, проекта замены польского латинского алфавита русским. Русское правительство Николая I соз-

дает в 1844 г. уже после смерти Шишкова специальную комиссию по этому вопросу¹. Напомним, что за год перед тем известный деятель национально-освободительного движения сербов Вук Караджич применяет русский гражданский шрифт к сербской письменности, предполагая заменить им бывшую до того в употреблении у сербов кириллицу. Во всех этих фактах нельзя не видеть отражения идей славянофильства, с одной стороны, и захватнических стремлений русского царизма, осуществлявшего свою программу захвата Балкан и проливов под флагом борьбы за освобождение славян, — с другой. Интересно, что участники Комитета по русификации польского алфавита 1844 г. довольно ясно представляли себе политические цели этого мероприятия. (...) Новые попытки применения русского алфавита в деле миссионерской пропаганды и русификации «иностранцев» связаны с деятельностью Н. Ильминского в Казани. Последний, как ловкий миссионерский пропагандист, применяет русский алфавит для религиозного воспитания крещеных татар (казанских) на их родном языке со всеми необходимыми для этого языка дополнениями и изменениями.

Не так смотрят на алфавит царские генералы. Так, непосредственно после завоевания Средней Азии «покоритель» генерал Кауфман 1 марта 1876 г. подает министру народного просвещения записку, в которой мы читаем: «Имея в виду главную цель, которую должна иметь транскрипция, именно облегчить начало к изучению государственного языка нашего и тем дать средства к объединению различных народностей, заключается в необходимости, чтобы все учебные округа, в которых есть иностранцы, приняли для транскрипции русскую азбуку в том виде, какою она изучается в наших школах, без всяких изменений и дополнений диакритическими и другими знаками, ...ибо русская азбука, — читаем мы несколько ниже, — вполне достаточна для выражения фонетики всех известных нам восточных наречий. (...)

Все эти документы, а также значительное количество миссионерских изданий и алфавитов на русской основе, изобретенных миссионерами для национальностей, входивших в Российскую им-

¹ «О предположениях заменить в польском языке латинский алфавит русской азбукой» — брошюра в 19 стр., изданная при царском правительстве с надписью «секретно» без обозначения автора и года издания.

перии, свидетельствуют о том, что, в общем и целом, использование русского алфавита как одного из средств колониального порабощения национальных меньшинств, их русификации и миссионерской пропаганды представляется совершенно очевидной, не могущей вызывать никаких сомнений. Отсюда, естественно, объясняется то предубеждение против самой формы русской графики, которое в большей или меньшей степени распространено среди национальностей теперешнего Союза, по традиции сохраняющих отвращение к этому орудию национального угнетения. Отсюда объясняется тот исторический факт, что восточные народы СССР в борьбе против арабского алфавита выдвинули латинский, а не русский алфавит. Идея латинизации национальных алфавитов, идея создания единого международного алфавита на латинской основе впервые оказалась воплощенной в жизнь именно у восточных народов СССР, бывших «инородцев» Российской империи. Наиболее отсталые в культурном отношении национальности исторически опередили в этом вопросе такую, казалось бы, передовую в культурном отношении национальность, как русские.

Здесь не место подробно останавливаться на истории движения за латинизацию алфавитов среди народов, пользовавшихся ранее арабским алфавитом. Но для того, чтобы иметь надлежащую перспективу в деле реформы алфавитов в СССР, необходимо иметь ясное представление о том, какие размеры приняло это движение в Союзе. Идея латинизации алфавитов восточных национальностей зародилась в 20–21-х годах почти одновременно в Азербайджане (Баку) и на Северном Кавказе (Владикавказ, Нальчик). В сравнительно короткий срок это движение широко развилось и в настоящее время охватывает около 35 народов (в том числе 30 имеют уже печатную продукцию на латинском шрифте, остальные приступают к принципиальному осуществлению решения), говорящих на различных языках.

За последнее время движение за латинизацию перешагнуло через границы СССР и захватило территорию Турецкой Народной Республики под несомненным воздействием успехов этого движения в пределах Союза (в 1928 г.). Движение в пользу латинизации в мусульманских государствах Переднего Востока обнаруживает тенденцию к дальнейшему распространению. Вопрос о латинизации поднимался в Персии и, надо думать, будет поставлен на очередь в скором времени в Монголии, Афганистане и др. В пределах Союза

весьма показательным является то обстоятельство, что к латинизации примкнули народы, не только пользовавшиеся арабским алфавитом, но и некоторые из имевших уже довольно прочно утвердившуюся грамотность на русском алфавите миссионерского происхождения. При обсуждении вопросов латинизации восточные национальности Союза сознательно выбрали латинский алфавит, как алфавит, лишенный в его истории по отношению к национальностям бывшей Российской империи какого-либо привкуса русификаторской политики и насильственной миссионерской деятельности. По этим же причинам осетины, балкарцы и абхазы на Кавказе, якуты и ойроты в Сибири, в последнее время бурят-монголы, калмыки, ассирийцы (в Закавказье) и др. перешли и переходят со своих прежних алфавитов на русской основе на латинский. Кроме того, движение за переход на латинский алфавит поднималось неоднократно также и среди восточных финнов (коми, вотяки), тюрков, пользующихся в настоящее время алфавитом на русской основе (чуваши, тану-тувинцы), и других народов. Таким образом, движение за латинизацию алфавитов делает успехи не только за счет вытеснения арабского алфавита. Территория распространения латинского алфавита обнаруживает среди национальностей СССР такую же тенденцию к расширению и за счет русского алфавита. (...)

Таким образом, на этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собой безусловный анахронизм — род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада. Своими корнями этот алфавит все еще уходит вглубь дореволюционного прошлого. Национальные массы Советского Союза еще не забыли его русификаторской роли. Проклятие самодержавного гнета, миссионерской пропаганды, насильственной русификации и великорусского национал-шовинизма еще тяготеет над самой графической формой этого алфавита. Частичная, подготовленная еще до революции радикальной интеллигенцией и осуществленная советской властью реформа русской орфографии приспособила это орудие классовой письменности дореволюционной царской России к потребностям распространения массовой грамотности в годы военного коммунизма и НЭПа. Однако в настоящее время, в момент, когда уже осуществляется генеральный план реконструкции страны, осущест-

вляется строительство социализма, строительство новой социалистической культуры, естественно, что этот, даже исправленный, русский гражданский алфавит перестал удовлетворять наиболее активную, наиболее передовую часть советской общественности — тех, кто не за страх, а за совесть, напрягая свои силы, участвует в индустриализации и реконструкции страны, в борьбе за новую социалистическую культуру и за новые формы быта.

Было бы смешно, однако, говорить, что вопрос об идеологии алфавита, т.е. об идеологии, связанной с той или иной графической формой этого алфавита, есть вопрос праздный, было бы смешно говорить, что этот вопрос не имеет никакого отношения к нашим успехам на производственном и культурном фронте, что любой алфавит независимо от формы его графики может быть использован на этих фронтах с одинаковым успехом, было бы смешно считать алфавит только техникой письма. Всякая графика является не только техникой письма, но отражает его идеологию. Классовое применение графики создает ее идеологическое содержание. Могут быть случаи, когда в течение ряда веков старая графическая форма сохраняется неизменной, приобретая все новое и новое классовое идеологическое содержание. Однако, в конце концов, неизбежно должен наступить момент, когда содержание перерастает форму, трансформировавшийся базис опрокидывает устаревшую надстройку. В этот момент никакие частичные изменения графической формы алфавита уже не помогут, никакая реформа орфографии уже не спасет. В этот момент надо подумать о полном уничтожении изжившей себя формы и о замене ее новой, более соответствующей изменившемуся содержанию. На смену алфавиту, который в эпоху царизма служил орудием эксплуататорской политики помещичье-феодального и буржуазного классов и который по традиции до сих пор несет в себе наследие этой идеологии на смену алфавиту, который, как форма, уже изжил самого себя, который не соответствует пролетарскому содержанию современной печати в период строительства социализма, сейчас должен быть создан новый алфавит — алфавит социализма, должна быть создана международная графическая форма, вполне соответствующая международному содержанию социалистической культуры.

Было бы наивно думать, что мы поднимаем вопрос о смене русского алфавита только из идеологических побуждений, что мы порочим совершенно графическую форму, которая могла бы также

«верно служить» в течение десятков лет и социалистическому обществу, как служила она царизму, что мы не считаемся ни с производственными, ни с экономическими, ни с педагогическими потребностями и возможностями СССР в период огромного напряжения всех творческих его сил в борьбе за индустриализацию страны только в угоду каким-то абстрактным идеологическим соображениям. Подлинная марксистская идеология никогда не бывает абстрактной. Она неминуемо вырастает из бытия, из своего производственного и экономического базиса. И если такая, вполне конкретная и покоящаяся на определенном социально-экономическом базисе идеология, дает отрицательную оценку какому-нибудь надстроечному явлению, хотя бы алфавиту, — это значит, что данная надстройка неприемлема не только идеологически, но она неприемлема также и потому, что не соответствует более развитию базиса и именно поэтому и должна быть сдана в архив истории. Так обстоит дело и с русским гражданским шрифтом. (...)

Нынешний русский гражданский шрифт технически оказывается менее совершенным, менее приспособленным к уровню современной полиграфической промышленности, чем шрифт латинский. Это и понятно, так как латинская графика, как и физиология глаза и руки современного человека, ближе соответствует современному уровню развития техники, тогда как графические формы современного русского алфавита отвечают более низкому уровню развития производительных сил, а следовательно, и техники чтения и письма дореволюционной царской России. Поэтому, если мы хотим провести реконструкцию полиграфической промышленности на основе последних достижений западной техники, — технически и экономически будет выгоднее заменить современный алфавит — латинским алфавитом, приспособленным к уровню этой техники. (...)

Постараемся теперь вкратце перечислить главнейшие наши доводы в пользу латинизации:

1) Переход русских на единый международный алфавит на латинской основе явится началом перехода всех народов СССР на тот же алфавит. В графике это послужит внешним выражением внутреннего единства пролетарской культуры в СССР при всем разнообразии ее национальных форм.

2) Алфавит на международной латинской основе укрепит единение с пролетариатом Запада и Востока и наши дружественные свя-

зи с борющимися за свою независимость колониальными и полуколониальными странами, уже вступающими на путь латинизации.

3) С переходом на новую графику мы окончательно освобождаемся от всяких пережитков эпохи царизма в формах самой графики и принимаем интернациональную графику, вполне соответствующую интернациональному социалистическому содержанию нашей печати.

4) СССР явится застрельщиком борьбы за международный алфавит и рациональную систему письма, что, несомненно, найдет горячий сочувственный отклик среди пролетарских масс и радикальных группировок зарубежного Запада и Востока.

5) Переход на единый международный алфавит в невиданной до сих пор степени облегчит языковое и культурное взаимодействие национальностей (система двуязычного обучения в нацобластях, во II ступени, изучение языков, пользование нарастающим во всех языках запасом международной терминологии и пр.).

6) Латинизация русского алфавита послужит, несомненно, могучим толчком к переходу на единый международный алфавит не только всех народов СССР, пользующихся в настоящее время латинскими и русскими в своей основе алфавитами, но и тех национальностей, которые до сих пор пользуются своеобразными национальными графическими формами алфавитов в большинстве случаев религиозного происхождения (грузинский, армянский, еврейский, монгольский и др.).

7) Только при латинизации русского алфавита явится возможность коренным образом рационализировать систему русского письма и русскую орфографию и тем удешевить и ускорить обучение грамотности в СССР. Латинский алфавит более отвечает физиологии движения пишущей руки и глазам современного человека (на 14–15% ускоряет процесс письма; в 4 раза различительней при чтении).

8) Латинизация русского алфавита позволит полностью провести принцип: всякая буква должна иметь только одно значение, и всякое сочетание звуков должно изображаться на письме только одним способом. Кроме того, латинизация уменьшит число букв в алфавите до 30 и устранил при обучении грамоте необходимость так называемого «слияния» звуков, что сейчас является одним из главных «каменей преткновения» для обучаемых.

9) Если считать, что переход на новый алфавит и новую систему письма сократит срок обучения грамоте только на одну неделю (приблизительно экономию времени можно исчислять от недели до

месяца), то и в этом случае огромная экономия народных средств и энергии в деле ликвидации неграмотности несомненна.

10) Переход на латинский алфавит явится также переходом на новую, более приспособленную к уровню современной полиграфической техники, графику, а именно: формы латинских букв по сравнению с русскими занимают в среднем меньшее пространство на бумаге, требуют меньше типографского металла и, таким образом, меньшего ввоза в СССР импортных материалов (цветных металлов, бумаги и прочего), меньших расходов на транспорт, почтовую пересылку печатной продукции, брошюровку и пр., до 11–12% экономии), что за один последний год пятилетки даст до 20 000 000 рублей экономии.

11) Введение единого международного алфавита на территории СССР взамен существующего сейчас многообразия часто графически весьма несовершенных национальных алфавитов позволит произвести коренную рационализацию и стандартизацию всего полиграфического производства, что, в свою очередь, явится источником крупной экономии и повышения производительности труда в полиграфии.

12) Латинизация алфавита позволит выписывать заграничные наборные машины, пишущие машинки, телеграфные аппараты и проч. без оплаты дополнительных расходов на их приспособление для русского шрифта или сведет такие расходы к минимуму. (...)

Н.В. Юшманов **ОПЫТЫ ВСЕМИРНОГО АЛФАВИТА¹**

Николай Владимирович Юшманов (1896–1946) — востоковед, африканист, автор работ по фонетике и теории письма, интерлингвистике².

Объединить человечество в дружную и тесно спаянную семью — заветная мечта многих передовых умов. Великие мечты, сказочные сегодня, становятся действительными и осязаемыми завтра.

¹ Юшманов Н.В. Опыт всемирного алфавита // Культура и письменность Востока. — Баку, 1929. — Кн. IV. — С. 69–73 (с сокращениями).

² Автор работ: Грамматика иностранных слов. — М.; Л., 1933; Строй арабского языка. — Л., 1938; Ключ к латинским письменностям земного шара. — М., 1941; Определитель языков. — М., 1941; и др.

Но в деле культурного развития человечества между «сегодня» и «завтра» дистанция огромного размера: достаточно представить себе, сколько тысячелетий разделяет мечту древнего человечества о ковре-самолете от современного вполне действительного самолета-аэроплана, сколько неудачных опытов (вроде повествуемого греками полета Икара с сыном Дедалом на восковых крыльях) предварили еще и теперь не совсем безопасный воздушный транспорт! Ковер-самолет уже есть, Икар и Дедал уже отмщены, но вавилонское смешение языков далеко еще не изжито. Работники по всемирной речи — космоглотиисты — уже давно перешли от мечты-максимум («единому человечеству единый язык») к мечте-минимум («каждому народу свой язык и один общий язык для всех»). Работники же по всемирному алфавиту (названия для них еще нет; скажем, хотя бы космолифисты) обычно не отрекаются от мечты-максимум: привести все человечество к единому письму. Однако до осуществления этой смелой мечты еще далеко, и мы переживаем пока эпоху опытов, а опыты переживают решительный перелом: от неудач к удачам. Достаточно учесть, сколько жизненной силы пышет из современного движения за единый тюркский алфавит, чтобы предвидеть, как он станет ядром алфавитного объединения — сначала на всем Востоке, затем, быть может, и во всем мире.

Работникам по алфавитному объединению Востока, конечно, очень важно знать о тех опытах всемирного алфавита, которые хотя и потерпели неудачу, но являются залогом будущей удачи.

При этом мы обратим внимание на техническую сторону дела, ибо идеологическая сторона этих опытов часто нам чужда: достаточно сказать, что среди авторов легче узреть христианского миссионера, чем свободомыслящего революционера!

* * *

Прежде всего приходится различать две близкие линии, связанные по существу разными задачами: научную транскрипцию и народную грамоту. Однако разграничить их не так легко: многие авторы, особенно языковеды, мыслили одну и ту же систему письма одинаково пригодной для обоих столь различных заданий. В таких случаях считаю правильным обсуждать систему дважды: и когда речь идет о научной транскрипции, и когда речь о народной грамоте.

Затем возникает вопрос о классификации систем. Рассматривая их исключительно со стороны состава, мы увидим две противоположные точки зрения: 1) *априорную*, когда автор создает совершенно новый алфавит (изобретая буквы, а не черпая их из уже сложившихся, традиционных алфавитов), и 2) *апостериорную*, когда автор создает алфавит путем переработки традиционных видов письма. Между обеими крайностями кое-когда проскальзывает нечто среднее — *смешанная* точка зрения, которую можно охарактеризовать или как «умеренное изобретательство», или как «свободную переработку». В свою очередь, апостериорная точка зрения отнюдь не едина. Здесь одни авторы допускают смешение латинского алфавита с греческим, русским, арабским и т.д. (...)

* * *

Уже по приведенным системам видно, что проблема всемирного алфавита весьма сложна и потребует немало работы для разрешения даже важнейших трудностей. Между тем самый принцип перехода с нелатинского алфавита на латинский находит немало противников; так, вопрос о латинизации русского языка столько же раз проваливался, сколько ставился. Однако с течением времени наш опыт умножается и уточняется; в этом залог победы.

Н.С. Трубецкой
КАК СЛЕДУЕТ СОЗДАВАТЬ ФОНЕТИЧЕСКУЮ СИСТЕМУ
ИСКУССТВЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА?¹

Создатели международных искусственных языков стремятся выработать по возможности наиболее простую грамматическую систему, чтобы облегчить изучение искусственного языка представителям различных народов. Однако звуковая сторона искусственного языка почти не принимается во внимание. Между тем трудная для

¹ *Trubetzkoy N.S.* Wie soll das Lautsystem einer künstlichen internationalen Hilfssprache beschaffen sein? // *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*. — Prague, 1939. — Vol. 8. — S. 5–32. Русский текст в переводе Н.А. Кондрашова по изд: Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии. — М., 1987. — С. 15–18, 26–27, 28 (фрагменты).

восприятия и воспроизведения звуковая система чужого языка при его изучении представляет столь же большое затруднение, как и сложная грамматика. Понять иностранца, которому свойственно неправильное произношение, в иных случаях совершенно невозможно. Каждый, кто хоть раз разговаривал по-немецки, по-французски или по-английски с плохо владеющим этими языками китайцем, корейцем или японцем, мог легко в этом убедиться. Преподаватель языка, работающий в Китае или Японии, из собственного опыта знает, сколь невероятно трудно привить жителям этих стран сносное произношение хотя бы одного из этих европейских языков. Следовательно, дело не в том, что японец, кореец или китаец не обладают языковыми способностями, а только в том, что звуковая система европейских языков для этих народов представляет почти непреодолимые трудности.

Искусственный язык, претендующий на международное употребление (*Geltung*), должен обладать такой звуковой системой, которая бы ни одному народу на свете не доставляла непреодолимых затруднений. При этом, однако, должны учитываться как интересы неевропейских культурных народов, так и интересы крупнейших наций. Именно для этих народов потребность в международном языке особенно настоятельна — гораздо ощутимее, чем для романских, германских и славянских народов, у которых каждый образованный человек без особых затруднений может договориться с представителями других европейских народов. Звуковая сторона перспективного искусственного международного языка должна создаваться таким образом, чтобы не только европейцы, но и китайцы, малайцы или суданцы могли выучить его, не испытывая никаких трудностей. Прежние искусственные языки не учитывали этого требования, что было их существенным недостатком.

Трудности овладения звуковой стороной состоят не столько в усвоении корректного произношения чуждых звуков, сколько в концентрации внимания на определенных звуковых различиях, значимых для соответствующего языка, но несущественных для нашего родного языка. Для немца не составит особого труда пропеть гласный на высокой, средней или низкой ноте, а также повысить или понизить тон во время артикуляции какого-либо гласного. Однако если немец захочет выучить китайский язык в его южном (кантонском) произношении, то знаменитые «девять тонов» этого языка

составят для него непреодолимый барьер... Трудность здесь заключается не в усвоении особой артикуляции, а в восприятии слоговой мелодики и высоты тона, как в специфическом упражнении памяти. Искусственный язык обязан исключать все, что может вызвать указанные трудности. Он всегда должен исходить из предполагаемого самого незамысловатого языкового сознания. Немцу трудно воспринять три тона южно-китайского диалекта. Но для южного китайца изучение языка, лишенного словоразличительного «тона», не представляет никаких затруднений: он просто замечает, что в соответствующем языке все слоги должны произноситься со средним тоном, — и если он так говорит, что все его понимают. Для создателей искусственного языка из этого следует, что в искусственный язык не должны вводиться словоразличительные тоны: таким образом, будут удовлетворены европейцы и не будет наноситься ущерб интересам жителей стран Востока. Этого принципа следует придерживаться и в других подобных случаях.

Язык предполагает не только говорящего, но и слушающего, а искусственный международный язык исходит из того, что говорящий и слушающий представляют два различных родных языка и поэтому два различных языковых навыка. Хорошо известно, что одни и те же языковые явления, которые имеют место у носителей различных языков, могут быть по-разному истолкованы. Русский привык произносить все ударные гласные длительно, а неударные кратко, ударение и количество для него равнозначны. Ударение в каждом чешском языке всегда падает на первый слог, ударение в этом языке только сигнализирует о начале слова; напротив, долгота и краткость гласного в чешском языке совершенно не зависят от ударения и играют в нем огромную роль, так как они часто служат для различения слов (например, *pit'í* «пить» — *pit'ī* «питье», *laska* «любовь» — *laska* «он ласкает» и т.д.). Русский, говорящий по-чешски, или будет делать ударение и удлинять каждый начальный слог, произнося при этом каждый нена начальный слог кратко, или же будет интерпретировать долгие гласные чешского языка в качестве ударных и произносить их не только как долгие, но и как ударные, а ударение начального слова (особенно, если он краткий) игнорировать; чаще всего делают оба вида ошибок, так что вся просодическая система чешского языка в устах русского кажется искаженной до неузнаваемости. С другой стороны, чех, говорящий по-русски, не

может привыкнуть к русскому ударению... Русское ударение обладает словоразличительной функцией, и на этой почве происходят постоянные недоразумения. (...) Из подобных случаев (при языковом общении между различными народами они весьма многочисленны) создатель искусственного международного языка обязан сделать вывод, что в звуковой системе этого языка нужно во что бы то ни стало избегать так называемых корреляций. В искусственном международном языке для различения слов не должны использовать ни различия долгих и кратких гласных, ни различия между звонкими и глухими, соответственно интенсивными и слабыми или придыхательными и непридыхательными согласными, ни различия в месте ударения. Тем более что все эти различия совершенно неизвестны большей части языков земного шара.

Наконец, само собой разумеется, должны быть исключены все звуки, артикуляция которых вызывает затруднения у некоторых народов. Разумеется, при этом не следует принимать во внимание наполовину вымершие языки. Если алеуты, тлингит и индейцы хопи в своих языках не имеют губных смычных согласных и произношение чуждых *b* и *r* представляет для них большую трудность, то это обстоятельство не может служить препятствием для введения губных смычных согласных в фонетическую систему искусственного международного языка. Но тот факт, что звук *h* чужд таким языкам, как французский, итальянский, новогреческий, тамильский и т.д., делает, видимо, введение этого звука в фонетическую систему искусственного языка нежелательным. Исходя из вышеизложенных принципов, нам следует попытаться установить идеальную фонетическую систему искусственного международного языка. (...)

Часто утверждают, что языковое развитие ведет к односложности слов, и на этом основании делается заключение, что и искусственный международный вспомогательный язык должен содержать только односложные слова или хотя бы односложные основы слов. Это требование, однако, наталкивается на непреодолимые трудности со стороны фонетики. Далеко идущая односложность предполагает разнообразный фонетический инвентарь или большое разнообразие допустимых сочетаний звуков или словоразличительных расхождений в тоне. Бирманский язык, который в принципе обладает только односложными корнями и в то же время различает 61 согласный и гласный (включая количественные и тоновые разли-

чия); склонный к односложности английский язык содержит в своих односложных словах различные сочетания согласных в начале и в конце слова и располагает многочисленным инвентарем согласных и гласных (включая дифтонги). Такое богатство средств для международного языка нежелательно. Чтобы быть действительно международным, то есть для всех народов одинаково легко произносимым, этот язык должен содержать минимальное число звуков и ограниченное количество их комбинаций. Однако чем беднее фонетический инвентарь и ограниченнее возможности сочетания звуков, тем меньшим будет число возможных односложных слов.

Следовательно, нужно привыкнуть к мысли, что международный вспомогательный язык не может быть каким-то «односложным языком». Его словарный состав в основной массе будет состоять из многосложных слов. Однако и эта тенденция не должна слишком преувеличиваться. Язык, содержащий фонетически длинные слова, труден для изучения, и особенно большие трудности при его изучении будут испытывать люди, которые в своем родном языке проявляют пристрастие к односложным словам. Если длинные слова легко членятся в морфологическом отношении, то их нетрудно удерживать в памяти. Таким образом, международный язык должен использовать длинные слова в ограниченном количестве и только при условии их ясной морфологической членимости. Такие основные элементы лексики международного вспомогательного языка, как корни и основы, должны быть относительно короткими.

Мы уже упоминали, что рекомендуемые для международного вспомогательного языка фонетические средства и фонетические правила могут быть сконструированы не более чем из 10 000 двусложных элементов. Если рассматривать это количество как окончательное число готовых слов, то для культурного языка это немного; однако это число относится только к корням и основам, поэтому их вполне достаточно, и при этом часть имеющихся возможностей может не быть использована. Основы от двусложных корней могли бы быть распространены с помощью односложных аффиксов: 110 односложных элементов вполне достаточно для этой цели. Благодаря этому возросла бы отчетливость этимологического членения, поскольку аффикс мог бы располагаться всегда на одном и том же месте, например в конце корня или основы: в более чем двусложных словах, за исключением двух первых слогов, все слоги были бы аффиксами, причем каждый аффикс содер-

жал быть только один слог. При такой системе словообразования, однако, не должны были бы допускаться односложные корни; ибо тогда могли бы возникнуть случаи, когда основа, состоящая из односложного корня и аффикса, фонетически совпала бы с двусложным корнем, что привело бы к недоразумениям. Односложные слова могли бы быть допущены только в качестве несамостоятельных слов с грамматической функцией.

Данное выше рационально описанное морфологическое строение искусственного международного языка предполагает отчетливое разграничение отдельных слов, что весьма важно, так как из-за бедности фонетических средств вспомогательного языка его фонетическая сторона будет отличаться большой монотонностью. В качестве единственного целесообразного средства разграничения может выступать ударение на первом слоге каждого самостоятельного слова. Многие народы уже имеют в своих родных языках такое ударение...

Наше исследование показывает, сколь мало предшествующие опыты создания искусственных международных вспомогательных языков опирались на серьезные требования современной фонологии. Эсперанто, идо, оксиденталь, новиаль и т.д. — все это языки, которыми относительно легко овладевают только романские и германские народы, а для многих других народов они невероятно трудны по своему произношению. Однако именно нероманские и негерманские народы крайне нуждаются в международном вспомогательном языке. А если учитывать их интересы, то можно логическим путем прийти к выводам, которые были изложены выше. Действительно, в международном вспомогательном языке не обязательно использовать словарный состав романских и германских языков. Дело в том, что вся фонетическая структура идеального вспомогательного языка (только один тип смычных, отсутствие спيرانтов, кроме s, один-единственный плавный, никаких сочетаний согласных, кроме «носовой+согласный», никаких конечных согласных, кроме n), а также его морфологическое строение (двусложные корни, односложные аффикс и грамматические слова) принципиально отличаются от романских и германских языков.

А.А. Богданов

ИЗ РОМАНА «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА» (1908 г.)

*Среди разнообразнейших увлечений и поисков А.А. Богданова нельзя не отметить его литературные опыты: он был одним из основателей новой российской фантастической литературы. Фантастика открывала для Богданова дополнительные возможности социальной прогностики. Герой опубликованного еще в 1908 г. романа «Красная звезда» попадает на космический корабль марсиан (в книге он именуется **этеронефом**, т.е. «эфирным кораблем») и вместе с его экипажем отправляется на красную планету, где его ждет встреча с рациональным обществом будущего. По пути он осваивает и марсианский язык.*

Земля все более удалялась и, точно худея от разлуки, превращалась в луновидный серп, сопровождаемый теперь совсем маленьким серпом настоящей Луны. Параллельно с этим все мы, обитатели этеронефа, становились какими-то фантастическими акробатами, способными летать без крыльев и удобно располагаться в любом направлении пространства, головой к полу, или к потолку, или к стене — почти безразлично... Понемногу я сходил с со своими новыми товарищами и начинал чувствовать себя с ними свободнее.

Уже на другой день после нашего отплытия (мы сохранили этот счет времени, хотя для нас, конечно, уже не существовало настоящих дней и ночей) я по собственной инициативе переоделся в марсианский костюм, чтобы меньше выделяться между всеми. Правда, костюм этот и сам по себе нравился мне: простой, удобный, без всяких бесполезных, условных частей вроде галстука или манжет, он оставлял наибольшую возможную свободу для движений. Отдельные части костюма так соединялись маленькими застежками, что весь костюм превращался в одно целое, и в то же время легко было в случае надобности отстегнуть и снять, например, один рукав, или оба, или всю блузу. И манеры моих спутников были похожи на их костюм: простота, отсутствие всего лишнего и условного. Они никогда не здоровались, не прощались, не благодарили, не затягивали разговора из вежливости, если прямая цель его была исчерпана; и в то же время они с большим терпением давали всегда всякие разъяснения, тщательно приспособляясь к уровню понимания собеседника и входя в его психологию, как бы мало она ни подходила к их собственной.

Разумеется, я с первых же дней принялся за изучение их родного языка, и все они с величайшей готовностью исполняли роль моих наставников, а больше всех Нэтти. Язык этот очень оригинален; и, несмотря на большую простоту его грамматики и правил образования слов, в нем есть особенности, с которыми мне было не легко справиться. Его правила вообще не имеют исключений, в нем нет таких разграничений, как мужской, женский и средний род; но рядом с этим все названия предметов и свойств изменяются по временам. Это никак не укладывалось в моей голове.

— Скажите, какой смысл в этих формах? — спрашивал я Нэтти.

— Неужели вы не понимаете? А между тем в ваших языках, называя предмет, вы старательно обозначаете, считаете ли вы его мужчиной или женщиной, что, в сущности, очень неважно, а по отношению к неживым предметам даже довольно странно. Насколько важнее различие между теми предметами, которые существуют, и теми, которых уже нет, или теми, которые еще должны возникнуть. У вас «дом» — «мужчина», а «лодка» — «женщина», у французов это наоборот, — и дело от того нисколько не меняется. Но когда вы говорите о доме, который уже сгорел или который еще собираетесь выстроить, вы употребляете слово в той же форме, в которой говорите о доме, в котором живете. Разве есть в природе большее различие, чем между человеком, который живет, и человеком, который умер, — между тем, что есть, и тем, чего нет? Вам нужны целые слова и фразы для обозначения этого различия, — не лучше ли выражать его прибавлением одной буквы в самом слове?

Во всяком случае, Нэтти был доволен моей памятью, а его метод обучения был превосходен, и дело продвигалось вперед быстро. Это помогало мне сближаться с марсианами, — я начинал все с большей уверенностью путешествовать по всему этеронефу, заходя в комнаты и в лаборатории моих спутников и расспрашивая их обо всем, что меня занимало.

Публикацию подготовил *С.А. Ромашко*